

Поскольку идеологическая борьба эпохи, отражавшая классовые интересы духовных и светских феодалов, с одной стороны, и демократических слоев общества (крестьянство, частично посад), с другой, развивалась в «религиозной оболочке»,²² постольку и объяснение царской репрессивной политики по отношению к расколу должно было основываться на заветах христианства. Идеологи раскола и начали с того, что подвергли разоблачению эту политику прежде всего как антихристианскую. «Чюдо, как то в познание не хотят прийти, — писал Аввакум, — огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые то апостолы научили так³ — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы сгнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить» (65). Возникшее здесь обвинение действий царской и церковной власти как действий, противоречащих христианскому учению, послужило именно той ключевой проблемой, выяснение которой в ходе дальнейшей общественно-религиозной борьбы должно было обнажить социальные и политические основы борьбы с расколом. Поэтому внимание к этой проблеме особенно обострилось в тот период, когда после новых репрессий, последовавших в результате решений собора 1681 г., движение раскола вспыхнуло с новой силой и вожди его попытались использовать в своих целях восстание московских стрельцов. Вопрос о причинах репрессий был смело задан представителями раскола правительству во время «прений о вере» в кремлевской Грановитой палате (в июле 1682 г.). Некто Павел, «посадский человек», сказал, что в двуперстии и других старых обрядах нет ереси, и «за сие чесо ради мучити и в срубях жеши³». ²³ Возможно, что этот вопрос послужил первым откликом на свежие вести о сожжении в срубе Аввакума, Елифания, Лазаря и Федора.

Но этот важный в идеологическом отношении вопрос патриарх Иоаким дал ответ в том смысле, что репрессии вызываются вовсе не обрядовыми расхождениями, а неповиновением раскольников: «Мы за крест и молитву не мучим и не жжем, но за то, яко нас еретиками называют и святей церкви не повинуются, — сожигаем». ²⁴ Еще яснее высказался здесь же нижегородский митрополит Филарет: «Все вы о сем стязуетесь, мы никогда за крест и молитву не мучим, но за их непокорство, что возмущают народы, не велят в церковь ходити, исповеди и причастия от священников принимать, и тем множество людей от церкви отлучати». ²⁵

В этих заявлениях высших церковных властей в качестве основных причин репрессий по отношению к раскольникам выявилось их «непокорство», выражающееся главным образом в «возмущении» народа против государственной церкви, в частности в отказе от церковной исповеди и причащения, которые служили важным средством духовного — а по тем временам — и политического контроля над народом с ее стороны. Все эти обвинения в адрес раскола вполне отвечали его действительным устремлениям, особенно ярко выраженным во взглядах Аввакума, в предпринятой им реформе «тайнств» исповеди и причащения, выводящей их за пределы церкви прямо в народный быт. ²⁶

²² Ф. Энгельс Крестьянская война в Германии — В кн. К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, изд. 2-е, т. 7 М., 1956 (далее Ф. Энгельс), стр. 360

²³ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря СПб., 1862 (далее Три челобитные), стр. 99

²⁴ Там же

²⁵ Там же, стр. 107

²⁶ См. П. С. Смирнов Внутренние вопросы в расколе в XVII веке СПб., 1898, стр. 156—169